

— Саманское учение имеет огромную власть. Избив сына Великого шамана ради меня, ты ранил сердца верующих в твоём племени, — Линь Чжаочжао, едва они вошли в шатер, тяжело вздохнул. — Это было крайне неблагоприятно.

Хотя в глубине души он был тронут тем, как Сюйлегээр за него заступился, он не одобрял столь безрассудного геройства.

— За одни только его слова я должен был прибить его на месте, и лишь из уважения к шаману я этого не сделал, — Сюйлегээр вошел следом. Его лицо было мрачнее тучи, а с плети, висевшей на поясе, всё ещё капала кровь. От него веяло пугающей жадой убийства.

— «Прибить», «убить»... Твоя железная рука заставляет людей лишь дрожать от страха и отдаляться, но она не заставит их склониться перед тобой сердцем! — Линь Чжаочжао нахмурился. — Почему ты никак не поймешь эту простую истину?

— И что же ты хотел, чтобы я сделал? — голос Сюйлегэера не был яростным. Напротив, он звучал спокойнее, чем у возбужденного Чжаочжао, напоминая пугающую тишину глубокого моря. — Смотрел на это сквозь пальцы? Стерпел обиду?

— Достаточно было сурового выговора. Открытая вражда не принесет пользы никому, — мягко произнес Линь Чжаочжао. — В конце концов, я всего лишь игрушка, присланная великой Ся, чтобы ублажать тебя. То, как рьяно ты меня защищаешь, наверняка вызовет ропот.

— Ты хочешь, чтобы я взвешивал выгоду, пока Галиба безнаказанно унижает тебя? — Сюйлегээр помолчал. — Скажи, за кого ты меня принимаешь?

— ... — Линь Чжаочжао изо всех сил старался сохранить самообладание. Его пальцы, сжимавшие чашку, побелели. — Ты — вождь Сюэди, надежда всей степи. А за кого ты принимаешь меня? Неужели я для тебя — лишь еще одна Мо Си или Бао Сы [1]?

«Ты — будущий владыка степей! Неужели ты не понимаешь?» — кричало всё внутри него. Чжаочжао знал, что мужчина не может постичь его боли.

В прошлой жизни Сюйлегээр объединил семьдесят два племени, и поддержка шаманов сыграла в этом не последнюю роль. Пророчества Великого шамана возносили славу вождя до небес, помогая ему вершить великие дела. А он, Линь Чжаочжао, стал причиной того, что Сюйлегээр лишился всего и умер на чужбине, съдаемый тоской.

«Почему я снова согласился выйти за тебя? Неужели я не мог найти иного пути? Я хотел изменить твою судьбу, я не хотел снова быть камнем преткновения на твоём пути!»

«Не балуй меня так безрассудно. Я знаю, как ты добр ко мне, но я не хочу этого. Неужели ты будешь убивать каждого, кто косо на меня посмотрит? Мне не нужна такая жертва... Потому

что я и сам готов пожертвовать собой ради тебя, понимаешь ли ты это?»

— В чем вина Мо Си или Бао Сы? Они были лишь красавицами, которых насильно отдали во дворец. Какое отношение они имели к гибели великих империй? — в голосе Сюйлегезэра прозвучало редкое презрение. — Каким ничтожным должен быть мужчина, чтобы сделать свою женщину козлом отпущения?

Сердце Чжаочжао болезненно сжалось, точно перезрелый плод, из которого брызнул горький сок. Силы внезапно оставили его, и он молча опустился на край ложа.

Мысли Сюйлегезэра были иными. Порой одна его фраза могла перевернуть всё то, что Чжаочжао годами вычитывал в мудрых книгах. И это не было странным — они были разными до мозга костей. Если бы не каприз судьбы, их жизненные пути никогда бы не пересеклись.

По сравнению с Сюйлегезэром он, запертый в четырех стенах со своими книгами, казался самому себе невыносимо зашоренным... Когда он впервые увидел вождя, летящего на коне по бескрайней степи, он впервые осознал, что жизнь может быть такой — вольной и яркой.

Смеркалось. Зажженная свеча отбрасывала неровные тени на лицо мужчины.

— Лочу, ты всё еще сердишься? — Сюйлегезэр нарушил тишину.

— Я не сержусь. Ты прав: меня насильно выдали замуж в эти дикие края. Твои отношения с шаманом, распри племен и культов... — Линь Чжаочжао тяжело выдохнул, словно смиряясь. — В конце концов, я всего лишь красавица для твоего «услаждения». Какое мне до всего этого дело?

Эти язвительные слова принесли Чжаочжао мимолетное облегчение. Будь он человеком, довольствующимся малым, он бы успокоился, но Линь Чжаочжао был жаден. Ему мало было безраздельной любви вождя в облике женщины — он хотел в облике мужчины вершить великие дела и претворять в жизнь свои амбиции.

Отец не раз бранил его: «Сердце выше небес, а судьба тоньше бумаги». Мол, рожден от блудницы, а гонору — как у благородного принца. Чжаочжао было плевать. В его книгах великие мужи, менявшие ход истории, не всегда были знатного рода.

А может, прожив две жизни, пора признать реальность? Нет у него таланта переворачивать мир... В конце концов, он всего лишь «игрушка».

— Кажется, я начинаю понимать, — вдруг произнес мужчина.

В тусклом свете его резкое, мужественное лицо выражало глубокую задумчивость.

— И что же ты понял? — удивился Чжаочжао.

«Удивительно терпеливый человек. Мало того что получил от меня вместо благодарности одни упреки, так еще и пытается копаться в моих мыслях». Но Чжаочжао не верил, что Сюйлегезэр способен его понять.

— Моя Лочу — не простая женщина, — Сюйлегезэр подошел к ложу.

Чжаочжао тут же струхнул, вжавшись в одеяло и подтянув ноги.

— Это я... я был слишком мелочен.

— Глупости... — Сюйлегезэр опустил на колени перед ним, так что их глаза оказались на одном уровне. — У моей Лочу воля не слабее мужской. Твое сердце столь велико, а взор столь далек, что мне, простому воину, привыкшему лишь к битвам, за тобой не угнаться. Лочу, ты — как незримая плеть. Каждое твое слово подстегивает мою душу.

Вождь не умел льстить. Он говорил прямо, как есть. Но именно от этой искренности Чжаочжао стало совсем не по себе.

«Стыд-то какой!»

— Замолчи! — вспыхнул Линь Чжаочжао.

— Что такое? — не понял мужчина.

— Просто замолчи, — мочки ушей Чжаочжао стали пунцовыми. — Тоже мне, «незримая плеть»...

— Разве я сказал что-то не так? Или ошибся в своих мыслях? — Сюйлегезэр был озадачен. — Я говорю от чистого сердца. Твои слова заставляют меня о многом задуматься...

— Какое там «чистое сердце», ты просто хочешь меня задобрить! Нарочно принижаешь себя, чтобы вознести меня до небес. Ты издеваешься надо мной? — возмутился Чжаочжао. Он ведь знал себе цену. Рядом с Сюйлегезэром, который в столь юные годы заставил трепетать всю округу, он был лишь начитанным чистоплюем.

— Почему ты вечно принижаешь себя? — негромко спросил Сюйлегезэр. — В моих глазах ты — как солнце, что каждое утро встает над степью...

— Опять за свое! Кончишь ты когда-нибудь? — Чжаочжао, точно рассерженный левенок, в сердцах пнул Сюйлегезэра.

Он злился, но удар был слабым — впрочем, даже приложи он все силы, он бы не сдвинул вождя и на полцуня. Ожидаемо, его лодыжка тут же оказалась в крепком кулаке мужчины. Пути назад не было.

— Пусти! — Линь Чжаочжао сердито сверкнул глазами, чувствуя, как жар его ладони заставляет сердце биться чаще.

— Чем же я снова прогневал тебя? — Сюйлегезр выглядел почти обиженным, но хватку не ослабил.

Он походил на старого скупца, нашедшего золотой слиток: то, что он ограничился лишь прикосновением, уже требовало от него недюжинной выдержки. Природный инстинкт требовал немедленно схватить это сокровище и попробовать на вкус...

— У Лочу такие холодные ноги, — глухо произнес мужчина. — Позволь мне их согреть.

Линь Чжаочжао едва не рассмеялся от возмущения. Этот дикарь безнаказанно пользовался его близостью, да еще и имел наглость утверждать, будто делает одолжение!

— Что за манеры? Вы — великий вождь Сюэди, как вы можете греть ноги какой-то «игрушке»? Я не смею об этом и просить! — Чжаочжао продолжал язвить, хотя сам покраснел до корней волос и отвернулся, не смея взглянуть на мужа.

Он надеялся уязвить гордость воина резкими словами, чтобы тот отпустил его, но добился обратного — его слова лишь заставили дыхание мужчины стать тяжелее.

Линь Чжаочжао и не подозревал, что этот властный и грозный владыка степей больше всего на свете обожал именно эту его высокомерную манеру командовать. И уже почти терял от этого голову.

Грубые ладони Сюйлегезра, привыкшие к луку и поводьям, казались Чжаочжао наждачной бумагой по сравнению с его собственной нежной кожей. Ощущение было непривычным, но... и вправду становилось тепло.

— Да отпусти же ты наконец... — Чжаочжао всё еще ворчал, хотя вторая его нога уже невольно покоилась на колене вождя. — Тебе не страшно, что кто-нибудь войдет и увидит это? Как ты тогда будешь вождем командовать?

— Я просто грею ноги своей жене. В этом нет ничего постыдного, чего мне бояться? — Сюйлегезр ответил с обезоруживающей честностью.

— Кожа у тебя толще крепостной стены, — пробормотал Чжаочжао. Он потянул на себя одеяло, и в этот миг с ложа на пол с тихим стуком что-то упало.

— Это что? — Сюйлегезэр наклонился и поднял ту самую книгу с картинками.

— Стой! Не смотри! — Увидев альбом в руках вождя, Чжаочжао вскочил, пытаясь его выхватить.

Но рослый Сюйлегезэр выпрямился, и у Чжаочжао не осталось ни единого шанса дотянуться до книжицы.

<http://bllate.org/book/13696/1441302>